

УДК 908(571.17)“1775/1860”

МЕНТАЛЬНОСТЬ КУЗНЕЦКИХ КРЕСТЬЯН (КОНЕЦ XVIII – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА)

Статья I. Психология крестьянского труда

Морозов Николай Михайлович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Федерального исследовательского центра угля и углехимии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Кемерово, РФ). E-mail: oven.777@mail.ru

Внимание к теме обусловлено не только отсутствием специальных исследований, но и потребностью в изучении культурологических аспектов трудовой деятельности жителей Кузнецкого края в рассматриваемый период, способствующих всестороннему осмыслению его локальной истории. Выделены историографические итоги в изучении структур психики человека исторического. Дано определение понятиям «менталитет» и «ментальность». Поставлена задача конкретизировать проявления ментальных установок крестьянства в труде.

Определён общий культурно-исторический фон, способствовавший трансформации поведенческих привычек жителей кузнецкой деревни. По материалам представителей сибирского областничества выделены черты обобщающего психологического портрета коренного сибиряка. Рассмотрены установки приписных крестьян в отношении к собственности на землю и выполнению повинностей на Кольвано-Воскресенских заводах. Отмечена специфика стереотипного понимания прав и обязанностей населения приписной деревни представителями горной администрации, а также меры наказания провинившихся.

Выделена устойчивая мотивация крестьян на достижение материального достатка. Установлены её объективные условия, связанные с неблагоприятными природно-климатическими условиями и коротким периодом для выполнения календаря сельскохозяйственных работ, отсутствием развитого местного рынка, занятостью селян на заводских отработках. Обращено внимание на смысловую нагрузку народных выражений, характеризующих высокую интенсивность труда. Сделан вывод о значительном влиянии статуса приписного крестьянина на его ментальные установки в трудовой деятельности.

Ключевые слова: культурологические аспекты трудовой деятельности, менталитет, ментальность, кузнецкие крестьяне, установка, стереотип, достаток.

MENTALITY OF KUZNETSK PEASANTS (THE END OF XVIII - THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY)

Article I. Psychology of Farming

Morozov Nikolay Mikhaylovich, PhD in History, Researcher, Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry of the Siberian Office of the Russian Academy of Sciences (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: oven.777@mail.ru

The attention to a subject is caused not only by lack of special researches, but also need for studying the culturological aspects of work of the residents of Kuznetsk region during the considered period of promoting the comprehensive judgment of its local history. Historiographic results in studying the structures of mentality of the historical person are outlined. Definition is given to the concepts “state of mind” and “mentality.” The task to concretize manifestations of mental installations of the peasantry in work is set.

The general cultural and historical background promoting transformation of behavioural habits of residents of a Kuznetsk village is defined. On materials of representatives of the Siberian oblastnichestvo the lines of generalizing the psychological portrait of the indigenous Siberian are marked out. Installations of assigned peasants in the relation to ownership of land and performing the duties at Kolyvano-Voskresensky plants are considered. Specifics of stereotypic understanding the rights and duties of the population of the assigned village are noted by representatives of mountain administration, and also measures of punishment of the guilty.

The steady motivation of peasants is allocated for achievement of prosperity. Its objective conditions connected with adverse climatic conditions and the short period for performance of a calendar of agricultural works, absence of the developed local market, employment of peasants on factory working off are established. The attention to semantic meaning of the national expressions characterizing the high intensity of work is paid. The conclusion is drawn on considerable influence of the status of the assigned peasant on his mental installations in work.

Keywords: culturological aspects of work, state of mind, mentality, Kuznetsk peasants, installation, stereotype, prosperity.

Общеизвестно, что описание историко-культурных сюжетов, характеризующих специфику того или иного сообщества, набором «сухих» фактов, не передающих моменты психологического напряжения, оставляя их как бы неодушевлёнными, а значит умалчивающими об опыте нравственных и иных переживаний, малопродуктивно для будущих поколений. В противном случае формируется почва для абсолютизации технократизма, равнодушия «к родному пепелищу и отеческим гробам», а значит – повышаются шансы и дальше пребывать в забвении для прошедших естественно-исторический отбор алгоритмов отношений, повышающих жизнеспособность общества, необходимых для выработки достойных ответов на вызовы современности.

Понять суть событий, какими они были «на самом деле» помогает не только поиск их материальной обусловленности. Важна реконструкция проявлений духовного мира человека в истории, разделяемого представителями психологических

наук на две взаимосвязанные сферы: мышления (осознанного восприятия реалий) и неосознаваемого (области бессознательного и неосознаваемых стереотипов). В истории общества постоянно идёт процесс, с одной стороны, вытеснения коллективных переживаний в глубины бессознательного, с другой – ощущается обратное влияние бессознательного на сферу осознанного. Проявление этой динамики в терминах, смыслах, привычках, моделях мышления и поведения свидетельствует о наличии в психологии больших коллективов пограничной между указанными сферами области – ментальности.

Традиция изучения данной области знаний восходит к трудам русских философов XIX века, использовавших ряд ключевых понятий с трансцендентальными смыслами: национальный характер, коллективный разум, картина мира, мировосприятие, мироощущение, миропонимание, мирочувствование и другие. Как смысловые фигуры, они подчёркивали роль чувственного вос-

приятия индивидом окружающего пространства, но были слабо сопряжены с техникой логического описания в однозначно понятых терминах. В интерпретации различных авторов они становились самоценными и самодостаточными, между ними не прослеживались родовидовые взаимосвязи, поэтому их содержание до сих пор остаётся не определённым, с отсутствием чёткого перевода на язык рационального мышления. В настоящее время, к примеру, сомнение вызывает правомерность употребления мировоззренческого понятия «национальный характер» для строго научного описания психологического портрета общества, так как научные смыслы термина «характер» сфокусированы исключительно на отражении индивидуальной специфики личности.

Многим исследователям более удачной представляется практика культурологического осмысления сферы неосознаваемого с помощью понятий «менталитет» и «ментальность». Не останавливаясь на анализе разногласия по поводу их определений [9, с. 195–283], отметим как положительный результат дискуссий факт их смыслового разграничения, который очевиден в следующих дефинициях.

Регулярность и многовековая повторяемость основных условий психического бытия людей приводит не к наследованию индивидуального опыта, а скорее к закреплению на психогенетическом уровне определённых форм его организации, которые проявляются в виде архетипических образов, мотивов¹. Менталитет состоит из конфигурации определённых архетипических образов – наследуемых форм психики, которые постоянно актуализируются в режиме длительного влияния таких устойчивых факторов жизнедеятельности, как: природно-климатическая среда; характер внешнеполитического окружения; особые свойства ресурсной базы; религиозные и другие ценностные императивы, сплотившие индивидуумов в этническое сообщество. Менталитет невозможен

¹ Архетипы обуславливают содержание всех направлений социализации людей, в том числе всех элементов их социокультурного опыта, являются продуктом исторически подавленных переживаний, поэтому несут в себе потенциал как созидательной, так и деструктивной психической энергии. Структурными компонентами личного бессознательного являются комплексы и установки, но принципы их структурирования заложены в архетипах [5, с. 26–33; 12, с. 20–87].

но изменить, но возможно разрушить путём уничтожения этноса.

Ментальность представляет собой иерархически упорядоченную систему сходных неосознаваемых мыслительных и поведенческих автоматизмов с исторически меняющимися смыслами деятельности: территориальной, профессиональной или конфессиональной, выступающей видовым признаком ментальности (например, ментальности: сибирская, городская, чиновников и т. д.). Исследователю она интересна в качестве способа осмысления событий прошлого.

Ментальность представляет собой одно из ключевых звеньев механизма ежедневного, ежечасного и ежеминутного принятия человеком решений. Это область подсознания, где с раннего детства неосознанно усвоенные стереотипы мышления и поведения, выработанные многими поколениями, соприкасаются с рациональным (осмысленным) уровнем восприятия действительности. Ментальность транслируется через идеальные или мифические образы, исторически сформированные в головах «безмолвствующего» большинства. Это непроговариваемый и скрытый от посторонних глаз внутренний мир человека, совокупность установок и предрасположенностей, непроизвольно «подсказывающих» ему и ближайшему окружению (семье, общине и др.), имеющему сходный механизм психологической защиты – с наступлением определённых обстоятельств какие «вызываются» чувства, вектор направленности мысли и каким образом практически реагировать.

Проблема ментальности кузнецких крестьян рассматриваемого периода ещё не удавалась специального исследования, но фрагментарно в научных трудах Б. Е. Андрюсева, А. Н. Бачинина, Ю. С. Булыгина, Е. А. Коляскиной, Н. А. Миненко, И. В. Побережникова, Е. В. Почеревина, М. Е. Сорокина, О. Г. Усенко, Л. И. Шерстовой [1; 2; 4; 7; 8; 10; 11; 13; 15; 16] и др. была представлена примерами, иллюстрирующими их поведение в процессе трудовой деятельности и в быту. В этой связи поставим задачу конкретизировать ментальные установки сельского мира в различных сферах его жизни и, в частности, в трудовой деятельности.

Представления о ритме жизни кузнецких крестьян, её духовной насыщенности мы получаем в процессе изучения деревенской повседневности. Речь идёт о сложившейся в тот или иной период совокупности практик: трудовой, семейной, воспитательной, ритуальной и других, в которых находили своё выражение предпочтения людей относительно вокруг происходящего, проявлялись различного рода личностные ценностные ориентации (жизни, власти, материальные, морально-этические, конфессиональные и др.) и конкретные типы поведения.

Несмотря на значительную удалённость Кузнецкого края от арены событий мирового масштаба, коллективное сознание населения в первой половине XIX века испытывало их косвенное влияние. Ещё в конце того века священник-историк Д. Н. Беликов относительно прежних столетий заметил, что «постоянная борьба с дикой и суровой природой выработала в томском простолудине сильный, крепкий организм, выносливый в какой угодно работе и, бесспорно, жизнеспособный. Но духовной стороной в жизни и быте томича в прежние времена не занимался никто. И удивительно-ли, что на далёкой окраине нашего отечества русский человек так сильно (нравственно – Н. М.) огрубел» [3, с. 112].

Такие события, как насильственное включение приписной деревни в орбиту хозяйственных интересов Кольвано-Воскресенских заводов, крестьянская война под предводительством Е. Пугачёва, особенности восприятия народом войны с Наполеоном, результаты новаций поколения просвещённых консерваторов во главе с Николаем I и их внимание к низовым органам управления на местах, активизация Православной церкви в Среднем Притомье в связи с учреждением в 1834 году Томской епархии и многие другие, способствовали постепенной трансформации поведенческих установок жителей кузнецкой деревни. При этом нельзя не согласиться с Л. И. Шерстовой, утверждающей, что сознание русских «содержало в себе прямо противоположные ментальности в некоем парадоксальном единстве, не замечаемом его носителями» [16, с. 33], и, как нам представляется, связанном с природной, конфессиональной и производственной спецификой их жизнедеятельности.

Во второй половине XIX века историк А. П. Щапов, а вслед за ним – и один из осново-

положников сибирского областничества Н. М. Ядринцев, выделили черты обобщающего психологического портрета коренного сибиряка. У русского населения Востока, отмечали они, заметна «наклонность к простору, воле и равенству»; «ассоциации идей не так сложны, как у великоруса»; «холодно-рассудочная, практическая расчётливость сибиряков или преобладающая наклонность к реалистическому и положительному взгляду на вещи подавляет в них почти всякое идеалистическое умонастроение». Оттого сибиряки менее мистичны и религиозны, чем «российские люди»; «сибирский разговор ленив, холоден, без легкомыслия, не текуч и малословен»; «умонастроение сибиряков в значительной степени отличается ещё юмористическими наклонностями». Но эта способность не проявляется пока ни в критике, ни в сатире, а сохраняется только в проявлении обыденной «просмешливости», выражающейся, по словам некоторых наблюдателей, «нередко в простых и грубых формах»; «печать сибирского молчания, как и замкнутость населения в себе точно также, при подобных условиях, являются весьма понятными. Это плод исторического раздумья» [17, с. 71–72].

Несомненно, указанные качества, в целом, были присущи и жителям кузнецкой деревни, но пока лишь приближают нас к пониманию всего многообразия бытовавших в их среде представлений об окружающем мире, настроениях, привычках и тревогах, предопределявших способы решения повседневных проблем.

Мотивация крестьянского труда всегда обуславливалась как природно-физиологическими потребностями человека в продолжении своего рода и обеспечении семьи прожиточным минимумом, так и социальными факторами, связанными с правами на землю и размером пашни. Господствовавшая в политике государства традиция считать землю российской там, где прошел плуг русского пахаря, была созвучна внутренней установке сибиряка, признававшего своей землёю ту, которую сам занял и в последующем обрабатывал.

Убеждённость в этом подкреплялась отсутствием в Кузнецком крае недостатка в пашенных, лесных, сенокосных и пастбищных угодьях. Она настолько оказалась глубокой, что в 1859 году накануне отмены крепостного права начальник

Алтайских заводов генерал-майор А. Д. Озерский в представлении Председателю Кабинета отмечал, что местные «крестьяне считают земли, которыми пользуются, своею неотъемлемою собственностью. Понятие это до такой степени укоренилось у крестьян, что самые отдаленные слухи об установлении поземельного оброка и денежных сборов за пользование угодьями возбудили в них живое и весьма неблагоприятное сочувствие» [4, с. 137].

Заводские повинности приписные крестьяне не связывали с владением земель, и при малейшей возможности стремились уклониться от несвойственной им деятельности. Но по-иному считало горное начальство, смотревшее на обязательные работы приписного населения как на прямую плату за уступки в земельном вопросе, сделанные Кабинетом на территории, принадлежащей монарху. Как один из способов разрешения этой дилеммы, а также проблемы загруженности заводов углем и рудой, крестьянам было позволено ввиду низких расценок «по плакату» и как следствие – отсутствия материальной заинтересованности в единоличном выполнении «душевых уроков», отдавать их на подряд более состоятельным сельчанам, получавшим на этом промысле значительные заработки.

Горная администрация морально воздействовала на подневольного работника постоянной пропагандой важности и «общенародной пользы» заводского производства. Но более эффективным способом принуждения являлось введение коллективной ответственности крестьян, сгруппированных в десятки или сотни, выполнявших одно и то же задание. Таким образом, устанавливалась привычная для общинника атмосфера круговой поруки, слежки друг за другом, и в случае необходимости – применения мер принуждения. Все были заинтересованы в скорейшем окончании работ на уровне, достаточном для того, чтобы не придиралось начальство, не заставляло переделывать, не выдало дополнительных заданий. Вместе с тем представители администрации действовали без промедления в случае наказания провинившихся – плетью, шпицрутенами или палкой. Нередко порке подвергались не только непосредственные виновники, но и каждый второй, третий или пятый в его команде – для урока на будущее. Экзекуции поддерживали у жителей приписной

деревни чувство постоянного присутствия страха перед начальством.

Производственные возможности хозяйства крестьянского двора ограничивали, по мнению Ю. С. Булыгина, не только длительные отвлечения мужчин на казённые работы, но также узость рынка сбыта продукции, поставляемой, в основном, в заводские посёлки с их бедным населением [4, с. 138]. В данных условиях труд сельского жителя был ориентирован на получение достатка, который восполнялся за счёт занятий земледелием, попутных промыслов и незначительных размеров товарообмена на местных ярмарках. Его ощущение материальной достаточности подразумевало удовлетворение определённых потребностей семьи, не выходя за рамки самообеспечения, с опорой на физическую выносливость и трудовые навыки её членов. В данной ситуации лишние деньги чаще выполняли функцию «жира про запас» для экстренных случаев.

Достаток крестьянского двора находился в прямой зависимости от климатических условий, размеров пашни, количества рабочих рук и голов скота. Признаки интенсификации труда имели в основном временное выражение – в ещё большем увеличении продолжительности рабочего дня, в сжатости сроков сельскохозяйственных работ.

Устойчивая мотивация на достаток, характерная для жителей Кузнецкого края, была следствием проживания в местности, которая в XIX веке, как и ранее, являлась менее благоприятной для занятий земледелием и скотоводством в сравнении с центральными и южными губерниями европейской части российской империи.

Среднее Притомье отличается наличием короткого тёплого периода – в среднем четыре месяца в году. В источниках XVIII–XIX веков зафиксированы экстраординарные проявления сибирского климата. Так, в 1782 году «весна стояла вельми мразна и студена», во время страды шли непрерывные проливные дожди; в 1799 году стояло необычно засушливое лето; в 1810–1811 годах были отмечены необычно холодные и продолжительные зимы; в 1813 году «в Иркутской и Томской губерниях первоначально была засуха, а 13 июля (25 июля по новому стилю) ударил ужасный мороз, истребивший хлеб на пространстве 1500 верст»; в 1842 году «местные власти

уведомляют, что еще 2 июня (по новому стилю 14 июня) по Сибирскому тракту ездили на сани. В 1838 году с середины июля до 9 сентября на территории Кузнецкого уезда стояли невиданно жаркие дни. Пострадали не только посевы, но и люди. От сильного зноя днём и нестерпимого холода ночью в Кузнецке с 26 июля стали фиксироваться случаи «воспалительной горячки». Из Томска срочно был вызван лекарь Врачебной управы Попов, с помощью которого 127 заболевших удалось спасти, но 5 человек скончались [6].

XIX век принес в Сибирь 51 более морозную зиму, 32 случая заморозков в конце и 45 возвратных заморозков в начале лета [1]. Тем не менее в летние, зимние и другие месяцы, крестьянская семья ежедневно просыпалась с первыми петухами (4–5 часов утра) и до позднего вечера (23–24 часа) в определённой последовательности, отвлекаясь при этом на общественные и заводские нужды, занималась привычным кругом сезонных работ.

Последствия тяжёлого труда можно было наблюдать уже у молодых мужчин, у которых, к примеру, во время рекрутских осмотров врачебные комиссии нередко фиксировали такие недуги, как «киловат», «правую ногу сволокло», «ноги гниют от ознобления», «от ознобу не имеет у правой руки перстов», «правая нога и левая рука сухи», «хром» и т. д. [8, с. 116–117].

Таким образом, насыщенная всевозможными заботами жизнь предполагала наличие у крестьян длительных периодов перенапряжения физических и моральных сил. В их сознании постоянно подспудно присутствовала установка успеть выполнить весь календарь сельскохозяйственных работ, и при остром дефиците времени она служила мощным стимулом, проявлявшимся в трудолюбии.

В деревенском обществе приветствовался «сурьезный» человек, имевший строгий (по-сибирски «свирепый») внешний вид и размеренную речь. Высокая интенсивность труда вытесняла из лексикона слово «идти» и делала более употребительным слово «бежать» (характерные фразы: «Куда бежишь?», «Сбегай на пашню, посмотри...») [1].

Вследствие различных объективных и субъективных обстоятельств среди жителей кузнецкой

деревни имело место имущественное расслоение на бедных и зажиточных. Семья крестьянина могла попасть в разряд неимущих только вследствие стечения многих причин – гибели кормильца, устойчивого неурожая, падежа скота, гибели посевов, стихийного бедствия. В данном случае, ей оказывали помощь родственники, и нередко, через какое-то время, положение выправлялось. Но самую распространённую причину бедности – пьянство и лень в труде и домашнем хозяйстве – в сельском обществе презирали.

На глазок состояние крестьянского двора оценивалось по количеству тягловой силы. В первой половине XIX века хозяйства, имевшие до трех лошадей, считались бедными или слабыми, 3–7 – средними и свыше 7 – зажиточными. В некоторых лесостепных волостях Кузнецкого уезда (Верхотомской, Касминской и Тарминской) средний двор приписного крестьянина, в различные годы владевший табуном численностью от 3,9 до 7,8 голов, можно было отнести ко второй группе. На этом фоне традиционное российское неприятие «стяжательства» в сознании более рационального сибиряка уступало место взгляду на богатство как на меру «угодности Богу».

На исходе XVIII и первые два десятилетия XIX века наиболее яркой иллюстрацией редкой удачливости и предприимчивости являлась персона приписного крестьянина деревни Берёзовой Верхотомской волости Ивана Степановича Новикова. В его обширном хозяйстве только в животноводстве было занято до 80 постоянных работников. Всё крестьянство волости имело перед ним долговые обязательства. Для организации торговли зерном, часть которого сплавлялась по рекам: Томи, Оби и Иртышу на продажу в Сургут и Берёзов, – он держал более 40 приказчиков под руководством томского мещанина Фёдора Корчуганова.

Волостное правление фактически превратилось в канцелярию Новикова, который, «не будучи чужд корыстолюбия, богатства приобретал не совсем добросовестными средствами... крестьяне лишены были всякой возможности противодействовать ему и раболепно подчинялись всем его приказаниям» [14]. Каждый день, утром или после обеденного отдыха, усаживаясь в кресло на крыльце отстроенного как у знатного помещика дома с богатым убранством комнат, фигурными

беседками, цветниками и скамейками для отдыха, он диктовал решения сходов по всем без исключения вопросам. Единлично разбирал тяжбы сельчан, вершил над ними свой суд и здесь же во дворе провинившихся ремнями привязывали к столбу и били плетью до тех пор, пока было угодно Ивану Степановичу. По своему усмотрению этот «крестьянин» распоряжался всей продукцией, произведённой жителями близлежащих 30 деревень. Он был желанным гостем у высших горных и губернских гражданских властей, по каким-то причинам закрывавших глаза на демонстрацию очевидного своеволия. Удовлетворяя личные амбиции, поездки в Барнаул или Томск Новиков совершал в составе кортежа из четырёх экипажей, в том числе коляски, выписанной из Москвы. На

станциях ему, по предварительному оповещению, заранее для смены готовили до 20 лошадей. Однако в 1820 году уже вскоре после смерти хозяина, накопленные богатства частью были расхищены предприимчивыми лицами, а частью – «промотаны» наследниками.

Нетрудно заметить, что психология деревенского труда выражалась совокупностью разнонаправленных установок и привычек. Внутренняя мотивация хозяйственной инициативы кузнецких крестьян корректировалась практикой принуждения к выполнению заводских работ, осуществлявшейся в атмосфере пропаганды святости интересов государства и наличия у горного начальства, по существу, неограниченной власти над местным населением.

Литература

1. Андрусев Б. Е. Мир старожилов Сибири [Электронный ресурс]. – URL: <http://andjusev.narod.ru/index2.htm> (дата обращения: 02.12.2015).
2. Бачинин А. Н. Материалы для гендерной истории края в фондах Кузнецкого суда (первая четверть XIX века) // Архивы Кузбасса: информ.-метод. и ист.-краевед. бюл. архив. управления администрации Кемерово обл. – Кемерово, 1999. – № 1 (3). – С. 31–37.
3. Беликов Д. Н. Первые русские крестьяне-населенники Томского края и разные особенности в условиях их жизни и быта. (Общий очерк за XVII и XVIII столетия). – Томск: Типо-литография М. Н. Кононова и И. Ф. Скулимовского, 1898. – 138 с.
4. Булыгин Ю. С. Приписная деревня Алтая в XVIII веке. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. – Ч. II. – 155 с.
5. Васильева К. К. Менталитет: онтоэтнологическое измерение: (На примере бурятского этноса). – М.: Рус. мир, 2002. – 199 с.
6. Живописцев М. Ю. «Земля Беловская». Очерки об истории нашего города и края [Электронный ресурс]. – URL: http://www.belovo42.ru/city/kraevedenie/Zemlya_Belovskaya/ (дата обращения: 10.12.2015).
7. Коляскина Е. А. Образ женщины в картине мира русских Алтая второй половины XIX – первой трети XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Бийск, 2010. – 23 с.
8. Миненко Н. А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII – первая половина XIX века). – Новосибирск: Наука, 1979. – 350 с.
9. Морозов Н. М. Концептуализация исторического знания о российской цивилизации на рубеже XX–XXI века. – Кемерово: Практика, 2014. – 401 с.
10. Побережников И. В. Общественно-политические взгляды русских крестьян Сибири в период позднего феодализма: учеб. пособие. – Новосибирск: Новосиб. ун-т, 1989. – 80 с.
11. Почеревин Е. В. Отношение крестьян Западной Сибири к государственным органам управления и чиновникам в начале XX века // Изв. Алт. гос. ун-та. – 2007. – № 4–3 (56). – С. 148–150.
12. Седаков Н. Э. Архетипы бытия и символы культуры: Карл Густав Юнг и Мирча Элиаде: дис. ... канд. филос. наук. – М., 2004. – 126 с.
13. Сорокин М. Бунт // Разыскания. Историко-краеведческий альманах. – Кемерово, 1992. – Вып. 2. – С. 41–45.
14. Томские губернские ведомости. – 1858. – № 43.
15. Усенко О. Г. Лжемонархи в Сибири до XIX века // Западная Сибирь: проблемы истории, историографии и источниковедения: мат-лы окруж. науч. конф., посвящ. 300-летию со дня рождения Г. Ф. Миллера, Нижневартовск, 24–26 марта 2005 года. – Нижневартовск: Нижневартов. пед. ин-т, 2005. – С. 103–107.
16. Шерстова Л. И. Ментальность и этногенез: методологические подходы // Вестн. Том. гос. ун-та. Серия История. – 2009. – № 2. – С. 30–33.
17. Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. К юбилею трехсотлетия. Современное положение Сибири. Ея нужды и потребности. Ея прошлое и будущее. – СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1882. – 471 с.

References

1. Andriusev B.E. Mir starozhilov Sibiri [World of old residents of Siberia]. (In Russ.). Available at: <http://andjusev.narod.ru/index2.htm> (accessed 02.12.2015).
2. Bachinin A.N. Materialy dlia gendernoi istorii kraia v fondakh Kuznetskogo suda (pervaia chetvert' XIX veka) [Materials for gender history of edge in funds of Kuznetsk court (the first quarter of the XIX century)]. *Arkhivy Kuzbassa: informatsionno-metodicheskii i istoriko-kraevedcheskii biulleten' arkhivnogo upravleniia Administratsii Kemerovskoi oblasti* [Archives of Kuzbass: information and methodical and local history bulletin of archival management of Administration of the Kemerovo region]. Kemerovo, 1999, vol. 1 (3), pp. 31-37. (In Russ.).
3. Belikov D.N. Pervye russkie krest'iane-nasel'niki Tomskogo kraia i raznyia osobennosti v usloviakh ikh zhizni i byta. (Obshchii ocherk za XVII i XVIII stoletii) [The first Russian peasants monks of Tomsk edge and разные features in the conditions of their life and life. (The general sketch for XVII and XVIII centuries)]. Tomsk, Tipo-litografiia M.N. Kononova i I.F. Skulimovskogo Publ., 1898. 138 p. (In Russ.).
4. Buligin Iu.S. Pripisnaia derevnia Altaia v XVIII veke [The assigned village of Altai in the XVIII century]. Barnaul, Altai University Publ., 1997, part II. 155 p. (In Russ.).
5. Vasil'eva K.K. Mentalitet: onto-etnologicheskoe izmerenie: (Na primere buriatskogo etnosa) [Mentality: onto-ethnological measurement: (On the example of the Buryat ethnos)]. Moscow, Russkii mir Publ., 2002. 199 p. (In Russ.).
6. Zhivopistsev M.Iu. Zemlia Belovskaia. Ocherki ob istorii nashego goroda i kraia ["Earth Belovskaya". Sketches about stories of our city and edge]. (In Russ.). Available at: http://www.belovo42.ru/city/kraevedenie/Zemlya_Belovskaya (accessed 10.12.2015).
7. Koliaskina E.A. Obraz zhenshchiny v kartine mira russkikh Altaia vtoroi poloviny XIX – pervoi treti XX veka. Avtoref. diss. kand. ist. nauk [Image of the woman in a picture of the world of Russians of Altai of the second half of XIX – the first third of the XX century. Author's abstract Dr. ist. sci. diss.]. Biisk, 2010. 23 p. (In Russ.).
8. Minenko N.A. Russkaia krest'ianskaia sem'ia v Zapadnoi Sibiri (XVIII pervaia polovina XIX veka) [The Russian country family in Western Siberia (XVIII – the first half of the XIX century)]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1979. 350 p. (In Russ.).
9. Morozov N.M. Kontseptualizatsiia istoricheskogo znaniia o rossiiskoi tsivilizatsii na rubezhe XX–XXI vekov [Conceptualization of historical knowledge of the Russian civilization at a boundary of the XX–XXI centuries]. Kemerovo, Praktika Publ., 2014. 401 p. (In Russ.).
10. Poberezhnikov I.V. Obshchestvenno-politicheskie vzgliady russkikh krest'ian Sibiri v period pozdnego feodalizma. Ucheb. posobie [Political views of the Russian peasants of Siberia in the period of late feudalism. Manual]. Novosibirsk, Novosibirsk University Publ., 1989. 80 s. (In Russ.).
11. Pocherevin E.V. Otnoshenie krest'ian Zapadnoi Sibiri k gosudarstvennym organam upravleniia i chinovnikam v nachale XX veka [The relation of peasants of Western Siberia to government bodies of management and officials at the beginning of the XX century]. *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta* [News of the Altai state university], 2007, vol. 4-3 (56), pp. 148-150. (In Russ.).
12. Sedakov N.E. Arkhetipy bytiia i simvoly kul'tury: Karl Gustav Jung i Mircha Eliade. Diss. kand. filos. nauk [Archetypes of life and symbols of culture: Carl Gustav Jung and Mircha Eliade. Diss PhD in philosophy]. Moscow, 2004. 126 p. (In Russ.).
13. Sorokin M. Bunt [Revolt]. *Razyskaniia. Istoriko-kraevedcheskii al'manakh* [Investigations. Local history almanac]. Kemerovo, 1992, vol. 2, pp. 41-45. (In Russ.).
14. Tomskie gubernskie vedomosti [Tomsk provincial sheets], 1858, no. 43. (In Russ.).
15. Usenko O.G. Lzhemonarkhi v Sibiri do XIX veka [Pseudo-monarchs in Siberia till XIX century]. *Zapadnaia Sibir': problemy istorii, istoriografii i istochnikovedeniia. Materialy okruzhnoi nauch. konf., posviashch. 300-letiiu so dnia rozhdeniia G.F. Millera, Nizhneartovsk, 24–26 marta 2005 goda* [Western Siberia: problems of history, historiography and source study. Materials of the district scientific conference devoted to the 300 anniversary since the birth of G.F. Miller; Nizhneartovsk, on March 24–26, 2005]. Nizhneartovsk, Nizhneartovsk ped. Institute Publ., 2005, pp. 103-107. (In Russ.).
16. Sherstova L.I. Mental'nost' i etnogenez: metodologicheskie podkhody [Mentality and ethnogenesis: methodological approaches]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriia* [Bulletin of Tomsk state university. History series], 2009, vol. 2, pp. 30-33. (In Russ.).
17. Iadrintsev N.M. Sibir' kak koloniia. K iubileiu trekhstoletiia. Sovremennoe polozhenie Sibiri. Eia nuzhdy i potrebnosti. Eia proshloe i budushchee [Siberia as colony. To tercentenary anniversary. Modern position of Siberia. Ея needs and requirements. Ея past and future]. Sankt-Peterburg, Tipografiia M.M. Stasiulevicha Publ., 1882. 471 p. (In Russ.).